

ПРОБЛЕМЫ КОНТАКТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ УГОЛОВНОГО ДИСКУРСА

Е.А. Зубков

В статье рассматриваются основные проблемы проведенного автором контактного исследования уголовного дискурса. Были выделены две основные проблемы контактных исследований в естественной среде: невозможность ведения записей и отсутствие адекватной модели для доказательства полученных результатов на основе общедоступных источников различного вида.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: контактное исследование, уголовный дискурс, целевые контактные источники, случайные контактные источники

ЗУБКОВ Евгений Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент Института иностранной филологии Университета имени Яна Кохановского в г. Кельце, Республика Польша. yevgen.zubkov@ujk.edu.pl

Цитирование: Зубков Е.А. Приемы контактных исследований уголовного дискурса [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 2. – С. 73–85. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Eugene A. Zubkow

PROBLEMS OF CONTACT RESEARCH ON CRIMINAL DISCOURSE

The paper focuses on main problems that arose during a contact research of criminal discourse conducted by the author. The following two problems of a contact research in natural environment were distinguished: the impossibility of recording and the lack of adequate model to prove obtained results on the basis of various sources in public access.

KEY WORDS: contact research, criminal discourse, target contact sources, accidental contact sources

ZUBKOW Eugene A. – PhD in Philology, assistant Professor in the Institute of Foreign Languages of the Jan Kochanowski University in Kielce, Poland, EU. yevgen.zubkov@ujk.edu.pl

Citation: Zubkow A. Problems of contact research on criminal discourse // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 2. – P. 73–85. Access mode: www.tverlingua.ru

Наше контактное исследование было сосредоточено на получении, синтезе и выработке способов верификации информации об инварианте телеологических механизмов (механизмов целеполагания) в уголовном дискурсе, которые в значительно большей степени, чем механизмы каузальности (причинно-следственных отношений), управляют человеческим опытом (см. Лещак, 2013: 128–129). Этими механизмами целеполагания, относительно которых субъект уголовного дискурса (профессиональный преступник) сознательно ориентирует свои действия, являлись «Нефеш», «(Воровской) Закон», «Понятия», «Воровские Наказы» и «Рамки». Эти словоупотребления из речи профессиональных преступников для означивания механизмов целеполагания разным образом фиксируются справочной литературой.

«**Нефеш**» – концептуальная единица, означивающая самосохранение как основной модус для массового уровня, право на убийство своих в целях самозащиты. Справочной литературой функционирование слова *Нефеш* в русском уголовном дискурсе фиксируется, но не проясняется. Сравним: «Нефеш– 1. Ум. 2. Душа. 3. Жизнь. 4. Лицо» (Балдаев, 1997: 278).

«**(Воровской) Закон**» – номинация означивает как набор ментальных моделей религиозно-правового содержания, регулирующий отношения между «(ворами) в законе», так и сообщество т.н. «(воров) в законе». Вместо этого «милицейского определения» (см. Карышев, 2005: 456) мы используем инвариантные в русском и польском уголовных дискурсах номинации «в законе», «законник», и «блатной», не входя в дискуссию о путях

заимствования слов и ментальных моделей: «код польских "блатных" до определенной степени напоминает код советских воров» (Kamiński, 2006: 262–263). Мы также учитываем то, что «[...] на сегодняшний день ни в судебной практике, ни в литературе не выработано четких критериев признания субъекта преступления лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии» (Григорьев, Морозов, 2014, URL). Поэтому критерием нашего выделения респондентов было наличие «инициации» (т.н. «(Воровского) Подхода») и знания о соответствующих обрядах и ритуалах, «непосвященным» профессиональным преступникам недоступным. На идею «посвящения» указывал еще М. Фасмер при описании слова *блат* и производного от него *блатной* (Фасмер, 1986: т.1: 172).

«**Понятия**» представляют собой в языковой и речевой репрезентациях общие понятия-концепты уголовного кода, названия которых определяют направление ментальных процессов у профессиональных преступников «в законе» при интеракции с преступниками низшего криминальный статуса или жертвами: *Понятие Солидарности (Воровского Блага, Единства, Братства, Блата), Понятие Амбиции, Понятие Чести (Достоинства), Понятие Равенства, Понятие Ключа* и т.д. В русскоязычных источниках фиксируется словоупотребление только самого слова *Понятия* во множественном числе. Сравнительный анализ польского уголовного дискурса позволил нам указать на существование «Понятий» в форме ряда (списка) слов, означающих отдельные общие понятия-концепты уголовного кода (см. Zubkow 2013). Отсутствие русских списков «Понятий» и широкое распространение таких списков в польском уголовном дискурсе могло бы свидетельствовать в пользу большей архаичности этих механизмов целеполагания. Однако, по нашему мнению, могла иметь место «манипулятивная технология "верного сдвига" окна дискурса, призванная активизировать массового адресата на реализацию различного рода действий» посредством переформатирующих сознание смыслов (см. Романов, Романова, 2007, URL): информация об этих механизмах целеполагания могла быть намеренно предоставлена польскими

профессиональными преступниками «в законе» исследователям и работникам правоохранных органов. Подобная «манипулятивная технология "веерного сдвига" окна дискурса» имела место в случае намеренного предоставления сотрудникам правоохранных органов информации о «Воровских Наказах» и «Рамках» в русском уголовном дискурсе. Подобная ситуация наблюдалась в американском уголовном дискурсе в случае «Десяти заповедей Коза Ностра» и «Семи принципов из Атлантик-Сити» (подробнее см. Мамичев, 1997: 260–261; 298–299).

«**Воровские Наказы**» и «**Рамки**» представляют собой комплекс предикативных императивов, имеющих форму предложений. Для «Рамок», являющихся регуляторами отношений в местах лишения свободы, характерен запретительный характер (хотя некоторые имеют форму побудительную): *не брать чужих вещей, не отнимать чужих вещей; не обижать мужиков; не обращайся к администрации мест лишения свободы за помощью; не поднимать руку на вора в законе; не обращаться с каким-либо личным вопросом в правоохранные и иные государственные органы; давать на общак* и т.д. Отсутствие квазирелигиозного наполнения этих прескриптивов позволяет нам отличать их от ментальных моделей «(Воровского) Закона», несмотря на сходство их языковой и речевой репрезентаций. «Воровские Наказы» – комплекс императивов, имеющих чаще всего побудительный характер и призванных служить «блатной» молодежи в качестве простых указаний, как себя вести на свободе. Этот вид императивов мы рассматриваем как декларативы, поскольку их возникновение было вызвано изменением государственного устройства и нежеланием профессиональных преступников попасть во «враги народа» в 20-х годах прошлого века: *признавать себя воров в законе; не работать ни при каких условиях; запрет на занятия политической деятельностью; держать порядок в зоне и не допускать погожовщины; не читать газет, не иметь семьи; не брать в руки оружия; преданность и поддержка воровской идеи* и т.д. Сходство языковой и речевой репрезентаций «Воровских Наказов» с «Рамками» привело к тому, что

некоторые исследователи их между собой путают. Часто эти комплексы ошибочно принимаются за «(Воровской) Закон» (см. Зубков, 2014: 235–265).

Прилагательное *контактный* указывает на вхождение автором в непосредственный контакт с субъектами уголовного дискурса (не только русского) с целью получения информации об инварианте упомянутых выше механизмов целеполагания. Контакт происходил в единственно возможной для сохранения естественности среде – на свободе, что в корне отличает наши контактные исследования от иных исследований, проводимых обычно в местах лишения свободы с разрешения администрации под запись. В данной связи необходимо указать на то, что способы охоты уссурийских тигров, волков и других хищников не могут быть адекватно исследованы при наблюдении их поведения в зоопарке.

Контактные источники были нами поделены на **целевые** и **случайные**. Целевыми источниками являлись бывшие профессиональные преступники. В этой группе процесс получения информации (с обязательством неупоминания личностей) имел полностью открытый характер: опрашиваемые знали цель опроса и наши интенции. Мы избегали давления и уклонялись от любых конкретных сведений, в том числе о биографии опрашиваемых, криминальный статус которых был нам в общих чертах известен. Контактные исследования в этой группе «посвященных» профессиональных преступников (т.е. «в законе») имели характер т.н. «постоянной орбиты исследователя»: предоставление полной информации о себе и целях исследования. Данные, полученные в этой группе, позволили нам произвести верификацию результатов в группе т.н. *случайных* источников.

Процесс сбора информации во второй группе заключался в произвольном выборе источника в разных городах и странах и задавании мимоходом нескольких одинаковых вопросов при естественном контакте (в том числе в качестве потенциальной жертвы преступления). Здесь необходимо указать на ключевой для исследования уголовного дискурса момент: речевому контакту предшествовал анализ неязыковых семиотик. Важными при выборе контактного

источника являлись не только конвенция специфичных жестов, поз, татуировок, способов одеваться, но и психосоматика. Употребление «уголовно-арестантского жаргона», которым легко овладевают сотрудники правоохранительных органов (см. Сидоров, 2016, URL), воспринималось нами скорее как дисквалифицирующий фактор. В группе случайных источников нами не задавались прямые вопросы, количество вопросов было ограничено (максимум 5–7), мы не упоминали о научных исследованиях и не открывали своей личности. Автор не позиционировал себя «(вором) в законе», но характер задаваемых вопросов однозначно мог создать у контактных источников такое впечатление. Ценность случайных источников заключалась в верификации целевой группы, реальности коммуникации в уголовном дискурсе и отсутствии возможности манипуляции исследователем. Результаты контактных исследований позволили нам не только верифицировать результаты нашего теоретического анализа сведений источников в русском уголовном дискурсе и об уголовном дискурсе.

Методологически мы не применяли традиционной в арготологии «фиксации материала» (т.е. записи странных и непонятных слов непосредственно из речи преступников) или же проведения «интервью» с профессиональными преступниками как это принято в журналистской практике («под запись» с последующей авторизацией материала или же без таковой). Ведение записи с ведома опрашиваемого лишает коммуникацию натуральности, тогда как ведение записи без ведома контактного источника воспринимается им как угроза и приводит к открытой агрессии.

Отсутствие ведения записей любого вида при вступлении в контакт является ***первой проблемой контактных исследований*** уголовного дискурса по следующим взаимосвязанным причинам:

1. Ряд федеральных законов РФ ограничивает как доступ, так и возможность использования материалов, связанных с преступной деятельностью. В случае получения доступа к таким материалам, перед публикацией результатов исследования на их основе необходимо получить

разрешение соответствующих органов. Иными словами, в любой момент публикация может быть заблокирована. Вышесказанное касается также европейского законодательства. Подобное контактное исследование в естественной среде (т.е. в уголовном антропогенном ландшафте) не поощряется российскими, украинскими и европейскими правоохрнительными органами несмотря на всю его несомненную полезность в связи с непредсказуемостью последствий для исследователя. С другой стороны, ни одна правовая регуляция таких контактных исследований не запрещает. Исключением является проведение контактных исследований с участием исследователя в т.н. «сходке» или «воровском ходе» – по нашему мнению, такое исследование противоправно, поскольку исследователь может получить информацию о конкретных преступлениях и автоматически стать соучастником преступления в случае неинформирования правоохрнительных органов.

2. Ведение собственных записей и их дальнейший анализ может вызвать обвинение исследователя в умышленной или неумышленной манипуляции. Основой такого обвинения может послужить материал, собранный другими исследователями. Необходимо также принимать во внимание упомянутую выше «манипулятивную технологию "веерного сдвига" окна дискурса» и учитывать возможность преступного сговора с целью дезинформации правоохрнительных органов и общественности. В нашем контактном исследовании эта методологическая проблема была решена при помощи группы случайных источников, что исключило возможность намеренной манипуляции исследователем.

3. Как мы упоминали, ведение аудио и видеозаписей записей настораживает (а чаще всего откровенно злит) респондентов и приводит к их отказу входить в контакт, особенно пожилых профессиональных преступников: «только молодые не думают о смерти – не зная жизни, они в смерть не верят; пожилым до смерти ближе, они в нее верят и готовы подозревать ее присутствие в возникшем на носу случайном прыще» (Леви, 1994: 11, URL). В данной связи уместно вспомнить о применении ряда языковых средств, «[...] которые, однако,

могут стать бесплодными усилиями по воздействию на адресата не потому, что они неверно используются или применены в неподходящих условиях. Они просто суггестивно не эффективны» (см. Романов, 2010, URL). К таким языковым конструкциям исследователь относит различного плана советы, пожелания, уговоры и просьбы, призывы к здравому смыслу, поучения, ворчание и колкости, «заготовленные печатные образцы в виде подчеркнутых маркером или ручкой цитат, вырезок из газет, брошюр, журналов, стратегически разложенных перед аудиторией или нарочито демонстрируемых», а также языковые конструкции, явно выражающие авторские позиции превосходства, «железной логики», морального оскорбления и т.д. (там же). При анализе идеологической зоны профессиональных преступников мы не пытались установить исторические факты или вступать в дискуссию о культурно-дискурсивных мифах, например, о популярных в преступной среде: «за что мусора кончили Иисуса», «рождение воров», «памяти души в бесконечном времени» и т.д.. Мы также никого не призывали «встать на путь исправления». Нас интересовала картина мира преступников и каким образом она может быть установлена как факт, т.е. как она находит свое выражение в культурно-знаковой, языковой и речевой репрезентациях в уголовном дискурсе. И самое главное – каким образом можно этот факт доказать общественности на основании сведений источников в открытом доступе.

Второй проблемой контактных исследований является доказательство полученных в ходе контактных исследований результатов («без записи») на основе общедоступных источников различного вида. Эта проблема вызвана, в первую очередь, трудностью установления отношений вариант-инвариант в связи с высокой информационной энтропией уголовного дискурса (понимаемой как мера непредсказуемости, неопределенности какой-либо системы) и отсутствием признанной адекватной модели для анализа уголовного дискурса. Высокая информационная энтропия вытекает из самого характера уголовного дискурса: прямые источники носят криптографический характер или же вообще отсутствуют, сравним: «Никто никогда не видел

утвержденный "воровской кодекс". На бумаге он просто не существует. Его постулаты виртуальны, и передаются из уст в уста и толкуются каждым "вором" по-своему, но основные принципы в нем нерушимы» (Котляр, 2009, URL). Опосредованные научные, публицистические, административно-правовые, мемуарные источники носят характер либо внешней наррации, либо же профессиональные преступники присваивают им соответствующий прагматике идеологический статус, как например в случае «(Воровского) Закона»: на основе собственной систематизации пяти легальным религиозно-правовым системам античности и раннего средневековья был присвоен нелегальный идеологический статус. Высокая информационная энтропия вызвана также тем, что в различных временных отрезках меняются как степень свободы говорящего, так и взгляд на ряд фактов (в том числе преступных), что сильно влияет на способы представления информации об интересующих нас механизмах целеполагания. Факты начинают обрастать домыслами говорящих и просто откровенными мифами, одно и то же преступление по разным причинам приписывается совершенно другим людям, в массовом сознании преступников возникают несуществующие банды, как например «Черная кошка», и существующие банды пытаются превзойти в дерзости и жестокости банду несуществующую (см. Мацкевич, 2014: 244). Потом эти мифы из массового сознания преступников начинают проникать в массовое сознание остальных носителей языка, в том числе исследователей, и становиться переходящими ошибками. Трудность установления отношений вариант-инвариант проявляет себя также в традиционных контактных исследованиях (т.е. «под запись»): при фиксации речевого материала и его дальнейшем анализе возможны ошибки в связи с недослышкой или намеренным искажением (см. Шаповал, 2007), в поле зрения исследователей не попадает дискурсивная омонимия (как «появление словесных знаков и формальных категорий в нескольких языковых типах в совершенно иной функции в зависимости от контекста и бытовой ситуации лингвистического факта»

(Ларин, 1977: 188), не анализируются неязыковые семиотики и происходят сбои в коммуникации в связи с различием идеологических зон (Зубков, 2015, URL).

Мы указали на две взаимосвязанные основные проблемы контактных исследований уголовного дискурса: отсутствие ведения записей любого вида при контакте в естественной среде и отсутствие призанной адекватной модели для анализа уголовного дискурса на основе общедоступных источников различного вида с целью установления отношений вариант-инвариант и преодоления высокой информационной энтропии. Причинами этих проблем являются: слабая изученность картины мира профессиональных преступников, неисследованность их идеологии, информационные пробелы в имеющемся корпусе текстов в связи с ограниченностью доступа к информации согласно федеральным законам РФ и европейскому законодательству, противоречивость информации в источниках разного вида, но самое главное – методологическая неразработанность лингвистического и социопсихологического подходов к анализу процесса коммуникации в профессиональной преступной среде. Эти проблемы могут быть устранены при применении следующих методологических подходов:

1) выход за рамки анализа актуальной информации и сосредоточение на диахроническом исследовании системной информации в преступной деятельности приведет к адекватной концептуальной дискретизации объекта и предмета исследования;

2) вовлечение в лингвистический анализ неязыковых семиотик предусматривает выделение культурно-знаковой, языковой и речевой репрезентаций;

3) создание четкой шкалы исследования экстралингвистических факторов для соотнесения вариантов высказываний с действительностью приведет к построению и описанию инвариантной структуры механизмов целеполагания профессиональных преступников «в законе»;

4) выработка соответствующего интердисциплинарного терминологического аппарата позволит интегрировать результаты, полученные в рамках естественных наук, в лингвистическое исследование.

Источники – Primary Sources

Балдаев, 1997 – *Балдаев Д.С.* Словарь блатного воровского жаргона. От А до П. – Москва: Кампана, 1997. – 387с.

Карышев, 2005 – *Карышев В.* Русская мафия 1988-2005. Криминальная хроника новой России. – Москва: Эксмо, 2005. – 540 с.

Котляр, 2009 – *Котляр Э.* *Воровской мир открывает свою хронику.* [Электронный ресурс] // Московская правда, 29.10.2009. Режим доступа: <http://old.mospravda.ru /issue/2009/10/29/article19483/>

Леви, 1994 – *Леви А.* Мор, 1994 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=17291&p=6>

Мамичев, 1997 – *Мамичев Д.А.* Преступники и преступления с древности до наших дней. – Донецк: Сталкер, 1997. –145 с.

Сидоров, 2016 – *Сидоров А.А.* Из истории русского уголовно-арестантского аргю. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.lib.ru/NEWPROZA/SIDOROV_A/argo.txt_with-big-pictures.html

Фасмер, 1986 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. – Москва: Прогресс, 1986.

Ссылки – References in Russian

Григорьев, Морозов, 2014 – *Григорьев В.А., Морозов Д.И.* Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии [Электронный ресурс] // Юридическая наука и правохранительная практика. – 2014. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-opredelit-litso-zanimayuschee-vysshee-polozhenie-v-prestupnoy-ierarhii>

Зубков 2014 – *Зубков Е.А.* Иносказание в русском уголовном дискурсе. «Масти», «Понятия», «Воровской Закон». – Kielce: Изд.: Uniwersytet Jana Kochanowskiego, 2014. – 397с.

Зубков, 2015 – *Зубков Е.А.* Возможные ограничения при ответе на вопрос о принадлежности к «ворам в законе» [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского

государственного аграрного университета. – 2015, № 109. Режим доступа: ej.kubagro.ru

Ларин, 1977 – *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. – Москва: Просвещение, 1977. – 224 с.

Лещак, 2013 – *Лещак О.В.* Онтология времени как исследовательская проблема гуманитарного дискурса: И. Кант, В. Джеймс и Ф. Соссюр (нелингвистическое рассуждение языковеда) // *Философия языка: в границах и вне границ.* – Харьков 2013. – Т. 8. – С. 114–134.

Мацкевич, 2014 – *Мацкевич И.М.* Мифы преступного мира. – Москва: Проспект, 2014. – 365с.

Романов, Романова, 2007 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Дискурсивные регулятивы информационных атак [Электронный ресурс] // *Дискурс-Пи.* – 2018. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnyye-regulyativy-informatsionnyh-atak>

Романов, 2010 – *Романов А.А.* Сакрально-ритуальный текст как основа реализации речевой суггестии [Электронный ресурс] // *Аналитика культурологии.* – 2010. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralno-ritualnyy-tekst-kak-osnova-realizatsii-rechevoy-suggestii-sacral-ritual-text-as-basis-for-realization-of-speech-suggestion>

Шаповал, 2007 – *Шаповал В.В.* Цыганские элементы в русском воровском арготе (размышления над статьей акад. А.П. Баранникова 1931г.) // *Вопросы языкознания.* – 2007, № 5. – С. 108–128.

References

Grigoriev, V.A., Morozov, D.I. (2014) How to determine the person holding the highest position in the criminal hierarchy [Electronic resource] // *Legal science and law enforcement practice*, Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-opredelit-litso-zanimayushee-vysshee-polozhenie-v-prestupnoy-ierarhii> (in Russian)

Kamiński, M.M. (2006) *Gry więzienne. Tragikomiczny świat polskiego więzienia*, Warszawa, Wyd. Oficyna Naukowa, 343 p.

Larin, B.A. (1977) *History of Russian language and general linguistics: Selected works*, Moscow, Enlightenment, 224 p. (in Russian)

Leshchak, O.V. (2013) Ontology of time as a research problem of humanitarian discourse: I. Kant, V. James and F. Saussure (linguistic non-linguistic reasoning) // *Philosophy of language: within and outside of boundaries*, T. 8, pp. 114–134. (in Russian)

Matskevich, I.M. (2014) *Myths of the underworld*, Moscow, Prospectus, 365 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) Discursive regulatory information attacks [Electronic resource] // *Discourse-Pi*, Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnye-regulyativy-informatsionnyh-atak> (in Russian)

Romanov, A.A. (2010) Sacral-ritual text as the basis for the implementation of speech suggestion [Electronic resource] // *Cultural Analytics*, Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sakralno-ritualnyy-tekst-kak-osnova-realizatsii-rechevoy-suggestii-sacral-ritual-text-as-basis-for-learn-of-speech-suggestion> (in Russian)

Shapoval, V.V. (2007) Gypsy elements in Russian thieves argo? (Reflections on the article by Academician A.P. Barannikov in 1931) // *Questions of linguistics*, No. 5, pp. 108–128. (in Russian)

Zubkow, E., (2013) Zasady grypsujących w świadomości zbiorowej niegrypsujących // *The Peculiarity of Man*, № 17, pp. 27–43.

Zubkow, E.A. (2014) *Allegory in Russian criminal discourse. "Suits", "Concepts", "Thieves' Law"*, Kielce: Ed., Uniwersytet Jana Kochanowskiego, 397 p. (in Russian)

Zubkow, E.A. (2015) Possible limitations in answering the question of belonging to "thieves in law". [Electronic resource] // *Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*, No. 109, Access mode: ej.kubagro.ru (in Russian)